

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Эпизод из истории московского
Рогожского кладбища

Опубликовано:
Христианское чтение. 1887. № 1-2. С. 175-188.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Эпизодъ изъ исторіи московскаго Рогожскаго кладбища ¹⁾.

Въ нынѣшнемъ 1886 году, въ 12-й день іюня, исполнилось ровно 30 лѣтъ тому событію, которое имѣло весьма важное значеніе въ жизни нашихъ раскольниковъ поповщинскаго толка. Мы разумѣемъ здѣсь состоявшуюся 12 іюня 1856 года правительственную мѣру — запечатаніе алтарей въ часовняхъ извѣстнаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, служащаго центральнымъ гнѣздомъ поповщинскаго раскола. Алтари эти и доселѣ остаются въ томъ же видѣ, т. е. съ казенными печатами на ихъ дверяхъ, и такимъ образомъ недоступны для богомоленія раскольниковъ, что, какъ извѣстно, очень печалитъ и сокрушаетъ послѣднихъ. При такомъ положеніи дѣла, московскіе раскольники устроили тайныя моленныя въ частныхъ жилыхъ зданіяхъ; но, тѣмъ не менѣе, и Рогожское кладбище съ его часовнями доселѣ считается въ глазахъ старообрядцевъ-поповцевъ особеннымъ священнымъ мѣстомъ, такъ какъ существуетъ уже съ 1771 года. Запечатаніе алтарей въ рогожскихъ часовняхъ произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. На основаніи нѣкоторыхъ частныхъ извѣстій изъ Москвы, до свѣденія покойнаго императора Александра II было доведено частнымъ же образомъ, что раскольники 22 января 1856 года торжественно открыли на Рогожскомъ кладбищѣ, въ большой часовнѣ, богослуженіе, и что они распечатали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣкоторыя домовныя моленныя въ Москвѣ. Такъ какъ нѣкоторая часть рогожскихъ

¹⁾ Настоящая статья составлена на основаніи нѣкоторыхъ рукописныхъ матеріаловъ, еще не изданныхъ доселѣ въ печати.

раскольниковъ только еще недавно, а именно въ 1855 году, присоединилась къ православію на правилахъ единовѣрія, то такое событіе въ средѣ раскола духовенство признавало крайне вреднымъ, тѣмъ болѣе, что раскольники, будучи народамъ грубымъ и фанатичнымъ, насмѣхались надъ перешедшими изъ раскола въ православіе и открыто торжествовали и бравировали своимъ правомъ своимъ на религиозную свободу и полноправность съ лицами православнаго исповѣданія.

Одновременно съ тѣмъ, а именно въ февралѣ 1856 года, покойный митрополитъ московскій Филаретъ доносилъ Св. Синоду о тѣхъ же безпорядкахъ на Рогожскомъ кладбищѣ. Изъ донесенія этого видно, что въ 1854 году, на этомъ кладбищѣ, меньшая изъ трехъ часовень, по случаю присоединенія значительнаго числа раскольниковъ къ единовѣрью, по повелѣнію императора Николая I, обращена и освящена въ единовѣрческую церковь. Вскорѣ потомъ, остававшійся при двухъ прочихъ часовняхъ, раскольническій священникъ Петръ Русановъ также присоединился къ единовѣрческой церкви. Тогда въ остальныхъ двухъ часовняхъ богослуженіе прекратилось фактически, такъ какъ правила поповщинскаго толка требуютъ совершенія богослуженія священникомъ. Раскольники входили въ часовни; возжигали свѣчи предъ иконами; молились каждый про себя; но правильнаго по уставу богослуженія не было. Единовѣрцы вмѣстѣ съ православными желали и большую часовню освятить въ церковь; и болѣе благонамѣренныя раскольники, которые не были расположены признать заграничную раскольническую иерархію, не шли, казалось, противъ такого предложенія. 23 января 1855 года, по особой повѣсткѣ, приглашавшей раскольниковъ собраться въ рогожской часовнѣ для выслушанія, будто бы, указа въ ихъ пользу, послѣдовало въ этой часовнѣ необыкновенно большое собраніе раскольниковъ: зажжено было множество свѣчъ; противъ царскихъ вратъ была поставлена курильница съ ладаномъ; но, по неимѣнію священника, не было при этомъ совершенно молитвословія. Весною 1855 года, послѣ поѣздки въ Петербургъ нѣкоторыхъ представителей изъ среды московскихъ раскольниковъ, распространено было между послѣдними подложное опредѣленіе пра-

вительствующаго Сената о новыхъ, будто бы, преимуществахъ, даруемыхъ Рогожскому кладбищу. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ значительныхъ раскольниковъ въ Петербургъ, 21 января 1856 года, въ теплой часовнѣ Рогожскаго кладбища, при собраніи множества раскольниковъ, открылось служеніе вечерни, въ которомъ начальствовалъ конторщикъ Иванъ Кручининъ; а 22-го числа такимъ же образомъ была отслужена утренняя; и съ тѣхъ поръ продолжалось подобное служеніе. Въ послѣдующіе дни замѣчено было, что во время службы отворяемы были царскія врата и служащій дѣлалъ возгласы; такъ какъ этого не могъ дѣлать мірянинъ, то можно было предполагать, что служащій былъ жесвященникъ. Одежда была на немъ мѣщанская, и онъ остриженъ по мѣщански; но могло быть, что онъ подъ верхнею одеждою скрывалъ епитрахиль. Митрополитъ Филаретъ, находя открывшееся въ рогожской часовнѣ богослуженіе выходящимъ изъ предѣловъ оказываемой раскольникахъ терпимости и могущимъ имѣть вредныя послѣдствія, въ виду начавшагося уже въ Москвѣ среди раскольниковъ движенія въ пользу православія, призналъ нужнымъ донести объ этомъ Св. Синоду. При этомъ митрополитъ вовсе не указывалъ на мѣру, которую затѣмъ правительство по собственной инициативѣ предприняло по отношенію къ Рогожскому кладбищу, а именно запечатаніе алтарей въ рогожскихъ часовняхъ. Объясняя Синоду, что въ Москвѣ и подъ Москвою имѣется у раскольниковъ много не столь публичныхъ моленныхъ, митрополитъ настаивалъ лишь на томъ, что на Рогожскомъ кладбищѣ, имѣющемъ для раскольниковъ-поповцевъ всей Россіи особенное значеніе, не должно допускаться богослуженіе, послѣ того, какъ оно уже прекратилось фактически съ 1854 года. Митрополитъ Филаретъ находилъ особую опасность въ томъ, что въ рогожскихъ часовняхъ сталъ вводиться въ практику какой-то новый видъ богослуженія при участіи мірянина, отворяющаго царскія двери и совершающаго священническіе возгласы. Этимъ путемъ, казалось, насаждалась и укоренялась новая отрасль раскола, толкъ поповщино-безпоповщинскій: поповщинскій по сохраняемому имъ признанію потребности священства и св. причащенія, а по общественному богослуженію — безпоповщинскій. Въ

этому случаю для раскольниковъ представлялся самый удобный поводъ подъ личиною мірянъ скрывать лжесвященниковъ заграничной жеіерархіи.

Московская гражданская администрація, во главѣ которой стоялъ тогда военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ графъ А. Закревскій, смотрѣла на дѣйствія рогожскихъ раскольниковъ совершенно иначе, чѣмъ митрополитъ Филаретъ. Она не находила никакого преступленія въ совершеніи раскольниками богослуженій въ рогожскихъ часовняхъ, такъ какъ на это не было даваемо особаго запрета со стороны правительства. Бывшій смотритель Рогожскаго кладбища Мосжаковъ распорядился было собственною властію воспретить раскольникамъ молиться въ рогожскихъ часовняхъ, но это распоряженіе было затѣмъ отиѣнено высшею властію, а самъ Мосжаковъ, какъ не умѣвшій относиться къ раскольникамъ съ должнымъ тактомъ и справедливостію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. Свѣтская власть находила, что воспрещеніе раскольникамъ молиться въ рогожскихъ часовняхъ было бы противно 60-й статьѣ XIV т. уст. пред. и прес. прест. и другимъ послѣдовавшимъ въ разное время Высочайшимъ повелѣніямъ ¹⁾ о непреслѣдованіи раскольниковъ за мнѣнія ихъ о вѣрѣ и за совершеніе духовныхъ обрядовъ. Отъ рогожскихъ раскольниковъ требовалось лишь то условіе, чтобы не допускалось у нихъ отправление духовныхъ требъ и публичное оказательство ереси къ соблазну православныхъ. Московскія власти утверждали, что вновь данное рогожскимъ раскольникамъ дозволеніе по прежнему молиться въ часовняхъ ихъ не произвело никакихъ безпорядковъ; что 21 января 1856 года, вечеромъ, призрѣваемые въ рогожской богадѣльнѣ отпращивали службу въ часовняхъ; на другой же день, 22 числа, собралось большое число богомольцевъ, но при этомъ никакого особеннаго торжества и публичнаго оказательства ереси не было, а производилось раскольниками внутри часовенъ чтеніе утрени, часовъ и вечерни, подобно тому, какъ это дѣлается обыкновенно во всѣхъ

¹⁾ Выс. утв. 1826 г. янв. 9 полож. ком. мн.; Выс. пов. 1838 г. апр. 9; 1841 г. декабря 19.

дозволенныхъ правительствомъ раскольническихъ часовняхъ и моленныхъ.

Довесеніе митрополита Филарета Св. Синоду о незаконныхъ дѣйствіяхъ рогожскихъ раскольниковъ было представлено въ подлинникъ, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора, императору Александру II, которому и повелѣно было рассмотреть это дѣло въ существовавшемъ тогда особомъ секретномъ комитетѣ о раскольникахъ и отступникахъ отъ православія. Комитетъ этотъ вообще вѣдалъ въ то время дѣла по расколу; рѣшенія его утверждались Высочайшею властію и затѣмъ уже приводились въ исполненіе. Въ комитетѣ состояли членами высшія духовныя и свѣтскія правительственныя лица. Въ 1856 году въ составъ комитета о раскольникахъ входили слѣдующія лица: митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Никаноръ, архіепископъ казанскій Григорій, протопресвитеръ В. Важановъ, графъ П. Кисилевъ (министръ государственныхъ имуществъ), статсъ-секретарь графъ В. Блудовъ (главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи), статсъ-секретарь Танъевъ (главноуправляющій I отдѣленіемъ той же канцеляріи), дѣйств. т. совѣтникъ С. Манской (министръ внутреннихъ дѣлъ), графъ В. Панинъ (министръ юстиціи), тайн. сов. А. Карасевскій (и. д. оберъ-прокурора Св. Синода), и наконецъ управляющій дѣлами комитета, статсъ-секретарь А. Суковкинъ.

При рассмотрѣніи вопроса объ открытіи богослуженія въ рогожскихъ часовняхъ, послѣ того, какъ оно прекращено было раньше уже въ теченіе 14-ти мѣсяцевъ, секретный комитетъ о раскольникахъ обратилъ вниманіе на то, что Рогожское кладбище служитъ средоточіемъ тайнаго управленія всей поповщинской секты, состоящей въ связи съ заграничною епископатою, которая, находясь въ австрійскихъ владѣніяхъ подъ властію чуждаго правительства, учреждена стараніемъ и иждивеніемъ рогожскихъ раскольниковъ и снабжаетъ эту секту тайными жезвященниками. На открытіе въ рогожской часовнѣ служенія комитетъ смотрѣлъ какъ на служеніе самоцѣльное, потому что правила поповщинской секты не допускаютъ общественаго богослуженія безъ священника. Соблазнъ же, произведенный въ Москвѣ, не можетъ не произвести и во всѣхъ краяхъ

Россіи вредное впечатлѣніе къ смущенію и поколебанію единовѣрцевъ. Онъ долженъ быть изглаженъ рѣшительнымъ и неотложнымъ распоряженіемъ. Собственно для этого нѣтъ нужды ни въ судѣ, ни въ наказаніяхъ: довольно мѣры предупреждающей преступленія, по твердой и вѣрной. Раскольническія рогожскія часовни устроены не съ дозволенія высшаго правительства, а по оплошности надзора мѣстныхъ властей прежняго времени; онѣ нисколько не похожи на другія терпимыя моленныя, которыя всѣ или находятся въ домахъ, или по крайней мѣрѣ не отличаются отъ домовъ, не имѣя въ себѣ и алтарей, тогда какъ рогожскія часовни имѣютъ совершенный видъ великолѣпныхъ православныхъ церквей съ алтарями, стоятъ на видномъ, открытомъ мѣстѣ, рядомъ съ небольшою единовѣрческою церковію, и потому своимъ великолѣпіемъ легко могутъ соблазнять и привлекать къ себѣ протестовъ. Раскольники въ своихъ прошеніяхъ сами называютъ ихъ храмами. Высочайшимъ повелѣніемъ 1827 года хотя рогожскія часовни и оставлены безъ закрытія, по съ тѣмъ, чтобы, по смерти бывшихъ тогда при нихъ поповъ, не допускалось болѣе жезвенниковъ; послѣ же этого само собою пресѣклось бы у рогожскихъ раскольниковъ и богослуженіе, пока они не приняли бы правильнаго священника отъ православнаго архіерея. Комитетъ принялъ въ соображеніе и то, что въ 1854 году часть раскольниковъ Рогожскаго кладбища приняла единовѣріе и образовала особый приходъ въ 1,450 душъ; для нихъ одна изъ рогожскихъ часовенъ, впрочемъ самая меньшая, освящена въ церковь, и началось въ ней правильное богослуженіе. Въ ноябрѣ того же года и остававшійся при двухъ прочихъ часовняхъ послѣдній раскольническій священникъ также присоединился къ единовѣрію, а чтецы и пѣвцы ихъ, какъ болѣе не нужные, высланы московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ мѣста ихъ жительства. Такъ какъ съ тѣхъ поръ никому было совершать богослуженіе въ этихъ часовняхъ, то оно само собою и прекратилось. При томъ же, раскольники иновѣрской секты имѣли въ Москвѣ, собственно для молитвы, много другихъ домовыхъ моленныхъ, а потому и не имѣли никакой надобности принадлежать приходомъ въ значительномъ числѣ (до 60,000 душъ, какъ насчитывали сами раскольники) къ

рогожскимъ часовнямъ. Къ пасхѣ 1855 года они просили и получили отъ московскаго генераль-губернатора графа Закревскаго позволеніе отпереть изъ этихъ часовень большую (холодную) для приходящихъ богомольцевъ; но возстановленія богослуженія не испрашивали и на прекращеніе онаго не жаловались. Раскольники стали испрашивать этого не прежде января 1856 года, утверждая, что будто бы богослуженіе было имъ воспрещено бывшимъ смотрителемъ Рогожскаго кладбища Мосжаковымъ, по доказательствъ на это не представили никакихъ, почему и не было никакого основанія вѣрить однимъ словамъ ихъ, тѣмъ болѣе, что въ прежнихъ многократно подаваемыхъ на Высочайшее имя прошенійхъ, которыя поступали въ секретный комитетъ, не было видно ни жалобъ на прекращеніе богослуженія, ни ходатайствъ о разрѣшеніи онаго.

Секретный комитетъ принялъ во вниманіе и Высочайшее повелѣніе 17 апрѣля 1855 года, которымъ предоставлено было министру внутреннихъ дѣлъ постепенно упразднить скиты, монастыри, кладбищенскія заведенія и прочія противозаконныя раскольническія сборища, подъ какиѣ бы видоѣ они ни существовали, безъ всякаго исключенія, и объ исполнительномъ ходѣ этого дѣла докладывать Государю Императору.

Въ виду приведенныхъ данныхъ, комитетъ полагалъ, что мѣра закрытія должна была коснуться, накопецъ, и рогожскихъ часовень, хотя бы въ нихъ и не случилось недавняго самочиннаго служенія и оказательства. Тѣмъ болѣе слѣдовало бы приступить къ этой рѣшительной мѣрѣ теперь, когда чрезъ возобновленіе многочисленнаго раскольническаго сборища предъ глазами рогожскихъ единовѣрцевъ, произведенъ соблазнъ, особенно вредный для неутвержденныхъ еще въ единовѣрїи по недавности обращенія, а въ раскольникахъ, склонявшихся къ единовѣрїю, возбуждены ложныя надежды имѣть бѣглыхъ, по прежнему, поповъ, или отъ заграничной лжеіерархіи.

Только изъ снисхожденія къ прирѣзаемымъ въ рогожскомъ богадѣленномъ домѣ раскольникамъ комитетъ полагалъ ограничиться запечатаніемъ однихъ лишь алтарей въ рогожскихъ часовняхъ, дозволивъ раскольникамъ посѣщать самыя часовни и молиться въ

нихъ про себя, какъ это и было въ теченіе 14-ти мѣсяцевъ. Запечатаніе же алтарей представлялось мѣрою крайне необходимою, чтобы изгладить вредное впечатлѣніе, произведенное допущеннымъ самочиннымъ оказательствомъ раскола и соблазномъ, и чтобы предотвратить возможность подъ одеждою мірянъ вводить въ алтари лжеиерархію заграничной лжеіерархіи, чего, другимъ путемъ, правительство было бы не въ состояніи предупредить при необыкновенномъ умѣньи раскольниковъ скрывать свои тайныя самовольныя дѣйствія. По мнѣнію секретнаго комитета, запечатаніе алтарей должно было показать раскольниковъ, что ихъ старшины обольщаютъ ихъ пустыми надеждами получить отъ правительства дозволеніе имѣть независимыхъ отъ архіерея иереевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было ободрить и успокоить единовѣрцевъ и способствовать возобновленію успѣшно начатаго обращенія рогожскихъ раскольниковъ на путь православія, отъ чего старшины ихъ всячески стараются ихъ удерживать. Проектируемая мѣра, во исполненіе Высочайшей воли о неотложномъ обузданіи раскольниковъ, должна была воздержать уснѣхи раскола въ самомъ средоточіи его, и послужить чрезъ то къ ослабленію его повсемѣстно, тогда какъ, наоборотъ, всякая уступчивость, нерѣшительность или медленность въ принятіи дѣйствительной мѣры, неминуемо, послѣ происшедшаго событія, должна была бы ободрить расколъ повсемѣстно же. Комитетъ полагалъ, что запечатаніе алтарей не есть мѣра наказанія рогожскихъ раскольниковъ и взыскація за произведенный ими соблазнъ, но есть вынуждаемая обстоятельствами предосторожность противъ раскола и его тайныхъ лжесвященниковъ заграничнаго поставленія. Никто изъ раскольниковъ лично не долженъ былъ потерпѣть отъ этой мѣры, и даже они не были лишены возможности молиться въ рогожскихъ часовняхъ; должно было потерпѣть отъ проектируемой мѣры лишь то вредное для церкви и государства противленіе, которое стремится къ водворенію въ русскомъ народѣ независимой отъ государства и слѣдовательно враждебной ему церковной лжеіерархіи.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, комитетъ полагалъ: не закрывая рогожскихъ часовень изъ снисхожденія къ призражае-

мымъ въ богадѣленномъ домѣ раскольникамъ, запечатать въ нихъ одни лишь алтари, какъ вовсе излишніе безъ священниковъ и недоступные для мірянъ, и дозволить рогожскимъ раскольникамъ приходить въ означенныя часовни только молиться про себя, безъ чтенія и пѣнія, какъ это продолжалось съ ноября 1854 г. до 21 января 1856 года. Для дознанія же о степени виновности рогожскихъ раскольниковъ въ самочинномъ оказательствѣ раскола, комитетъ предлагалъ произвести особое, чрезъ чиновниковъ гражданскаго и духовнаго вѣдомствъ, разслѣдованіе по этому дѣлу. Затѣмъ комитетъ признавалъ нужнымъ поручить митрополиту московскому, обще съ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, призвавъ къ себѣ старшинъ Рогожскаго кладбища, рѣшительно объявить имъ, а чрезъ нихъ всѣмъ рогожскимъ раскольникамъ, что желаніе ихъ имѣть священниковъ, независимыхъ отъ архіерея, никогда не будетъ принято правительствомъ, какъ противное законамъ церкви и государства, что имъ остается присоединиться къ церкви на правилахъ единовѣрія для освященія рогожскихъ часовенъ и для правильнаго въ нихъ богослуженія, и что, наконецъ, если они дозволили себѣ оказательство ихъ ереси по недостаточному уразумѣнію даннаго имъ разрѣшенія молиться въ часовняхъ, то уже впоследствии они не могутъ имѣть этого извиненія, и потому за первое совершеніе въ нихъ раскольниками вновь церковныхъ служебныхъ обрядовъ и вообще всего, что не допускается въ обыкновенномъ домашнемъ богослуженіи, часовни эти будутъ совсѣмъ закрыты.

Такое постановленіе секретнаго комитета прошло большинствомъ 6-ти членовъ его; но три члена комитета (графъ Киселевъ, д. т. с. Ланской и графъ Панинъ) не согласились съ мнѣніемъ большинства о необходимости запечатанія рогожскихъ алтарей. Они находили достаточнымъ сдѣлать рогожскимъ раскольникамъ надлежащее внушеніе о подоущеніи какихъ-либо жесвященниковъ къ отправленію въ рогожскихъ часовняхъ духовныхъ требъ, съ угрозою закрытія, въ противномъ случаѣ, и самыхъ часовенъ. Означенные три члена, ссылаясь на то, что не имѣется вообще закона, воспрепятствующаго раскольникамъ молиться въ ихъ молитвенныхъ домахъ, построенныхъ до 1826 года, и что, въ частности, со стороны

правительства не было какого-либо особаго распоряженія о воспрепятствованіи служенія въ рогожскихъ часовняхъ, не видѣли ничего преступнаго въ совершеніи раскольниками молитвословія въ этихъ часовняхъ.

Государь императоръ, въ 12-й день іюня 1856 года, повелѣлъ исполнить постановленіе секретнаго комитета по мнѣнію 6-ти членовъ его, при чемъ выразилъ, что такъ какъ на Рогожскомъ кладбищѣ священниковъ нѣтъ, и они не должны быть допускаемы, если не присоединятся къ православію, то и алтари для службы раскольниковъ не нужны.

При разсмотрѣніи въ высшихъ правительственныхъ инстанціяхъ вопроса о рогожскихъ раскольникахъ, до очевидности проглядывала существенная разница во взглядахъ двухъ вѣдомствъ—духовнаго и гражданскаго на современное положеніе поповщинской секты раскола. Духовное вѣдомство, въ виду начавшагося въ 1854 году присоединенія рогожскихъ раскольниковъ къ единовѣрію и въ виду того обстоятельства, что на Рогожскомъ кладбищѣ къ 1855 году уже не оставалось ни одного раскольническаго священника изъ числа бѣглыхъ поповъ, полагало, что поповщина при такихъ обстоятельствахъ должна скоро прекратить уже свое существованіе и принять православіе. Предполагалось, что Рогожское кладбище, гдѣ уже водворилось единовѣріе, совершенно перейдетъ въ руки единовѣрцевъ. Но гражданскія власти не раздѣляли съ своей стороны такого оптимистическаго взгляда на современное положеніе поповщинской секты. Онѣ имѣли основаніе заподозрѣвать начавшееся въ средѣ рогожскихъ раскольниковъ движеніе въ пользу православія. Въ 1854 году, начиная съ сентября мѣсяца, обратилось къ единовѣрію 1,570 человекъ изъ числа рогожскихъ раскольниковъ. Но дѣло въ томъ, что болѣе $\frac{1}{3}$ изъ этой цифры, а именно 539 человекъ—кущовъ и почетныхъ гражданъ, присоединены къ единовѣрію 30-го и 31-го декабря 1854 года, т. е. въ послѣднія числа, назначенныя для объявленія купеческихъ капиталовъ. Такое присоединеніе раскольниковъ происходило, очевидно, единственно отъ желанія воспользоваться гражданскими правами и преимуществами, которыхъ раскольники были лишены на основаніи особаго

Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ томъ же 1854 году и предписывавшаго о приискѣ раскольниковъ съ 1-го января 1855 года въ мѣщане. Эта именпо мѣра и побудила многихъ раскольниковъ притворно присоединиться къ единовѣрїю для спасенія ихъ дѣтей и вѣковъ отъ рекрутства и для сохраненія за собою сословныхъ и торговыхъ преимуществъ. Это доказывается возникшими въ 1855 году многими слѣдственными дѣлами о мнимомъ присоединеніи нѣкоторыхъ раскольниковъ къ единовѣрїю. Изъ дѣлъ этихъ оказывалось, что единовѣрческое духовенство иногда выдавало раскольникамъ свидѣтельства о присоединеніи ихъ къ единовѣрїю безъ совершенія какого-либо церковнаго обряда, и даже выдавало подобныя свидѣтельства такимъ лицамъ, которыя никогда сами у священниковъ не были, ихъ не видали, и желанія на присоединеніе свое къ единовѣрїю не изъявляли. Было замѣчено и то, что изъ числа 1,700 новыхъ единовѣрцевъ носѣщали единовѣрческую церковь Рогожскаго кладбища не болѣе 20—25 старухъ изъ среды призрѣваемыхъ въ богадѣленномъ домѣ. Все это давало московскимъ властямъ поводъ думать, что присоединеніе рогожскихъ раскольниковъ къ единовѣрїю происходило не отъ искренняго раскаянія и признанія сектаторскихъ заблужденій, а отъ причинъ постороннихъ. Указъ о приискѣ раскольниковъ въ мѣщане, и вообще мѣры стѣсненія ихъ со стороны правительства вынуждали старообрядцевъ наружно перечисляться въ единовѣрїе, а по внутреннему убѣжденію оставаться по прежнему въ расколѣ.

Духовныя и свѣтскія власти расходились между собою въ мнѣніяхъ и о терпимости по отношенію къ раскольникамъ. Такъ, духовныя власти находили вреднымъ допускать въ рогожскихъ часовняхъ богослуженіе и признавали возможнымъ имѣть ихъ открытыми лишь для того, чтобы раскольники молились въ часовняхъ каждый про себя, не совершая общаго молитвословія. Свѣтскія же власти смотрѣли на дѣло совершенно иначе. Онѣ преслѣдовали лишь публичное оказательство раскола, съ нарушеніемъ общественнаго порядка; а затѣмъ уже не видѣли вреда въ томъ, что раскольники совершаютъ въ рогожскихъ часовняхъ общественное богомоленіе. Слѣдуетъ замѣтить и то, что въ то время, въ пятидеся-

тыхъ годахъ, вообще не было выработано въ правительственныхъ сферахъ твердой и однообразной системы дѣйствія по отношенію къ раскольникамъ. Состоявшіяся за предъидущее время отдѣльныя постановленія правительства по расколу часто стояли между собою въ прямомъ противорѣчій. Одни постановленія говорили о стѣсненіи и преслѣдованіи раскольниковъ за извѣстныя дѣйствія, а другія, наоборотъ, прямо выражали собою широкую терпимость правительства къ раскольникамъ. Духовное вѣдомство въ дѣлахъ по расколу наиболѣе придерживалось тѣхъ постановленій, которыя выражали собою строгое отношеніе къ раскольникамъ. Свѣтскія же власти, напротивъ, придерживались постановленій болѣе мягкаго свойства, допускавшихъ нѣкоторыя льготы для раскольниковъ. Въ дѣлѣ о запечатаніи рогожскихъ алтарей наглядно сказалась эта рознь духовныхъ и свѣтскихъ властей со всею очевидностію. Митрополитъ московскій Филаретъ и московскій военный генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, были прямыми выразителями этой розни во взглядахъ на расколъ. За ними и высшія петербургскія власти — Святѣйшій Синодъ и министерство внутреннихъ дѣлъ также выражали ту же рознь. Впрочемъ, она никогда и не прекращалась внослѣдствіи. Въ свою очередь такая двойственность взглядовъ духовнаго и свѣтскаго вѣдомствъ на расколъ не могла не вліять вреднымъ образомъ на положеніе раскола въ государствѣ. Двойственность эта значительно ослабляла силу самыхъ распоряженій правительства, изданныхъ для раскольниковъ, а въ послѣднихъ поселала надежду на безнаказанность ихъ дѣяній, прямо противныхъ требованіямъ закона. Подтверженіемъ этому служитъ и то, что московскіе раскольники никогда не переставали надѣяться на распечатаніе алтарей въ рогожскихъ часовняхъ, и вообще на возстановленіе Рогожскаго кладбища, какъ центра ценовщинскаго старообрядчества. Послѣ изданія закона 3 мая 1883 года о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ, рогожскіе старообрядцы самовольно, безъ всякаго разрѣшенія со стороны правительства, поставили въ своихъ часовняхъ походные алтари, въ которыхъ и совершали служеніе съ участіемъ жесвященниковъ, въ явное противорѣчіе съ правительственнымъ распоряженіемъ 1856 года о воспрещеніи такого

служенія въ рогожскихъ часовняхъ. Только, недавно, по особому распоряженію высшей власти, означенные походные алтари сняты и выписаны изъ часовенъ.

Однако, все-таки остается неразрѣшеннымъ доселѣ общій вопросъ о Рогожскомъ кладбищѣ: должно ли оно существовать какъ общественное учрежденіе въ рукахъ московскихъ раскольниковъ, и притомъ такое, которое имѣетъ значеніе центрального пункта для всѣхъ раскольниковъ—поповцевъ, проживающихъ не только въ Россіи, но и въ другихъ заграничныхъ государствахъ? Вѣдь сами раскольники, не довольствуясь даже закономъ 3 мая 1883 года, мечтаютъ о новыхъ и новыхъ для себя льготахъ. Едва ли правительству удобно поддерживать такіа мечты старообрядцевъ. Что касается собственно Рогожскаго кладбища, то и самое существованіе его въ нынѣшнемъ видѣ, т. е. съ значеніемъ открытаго центра корпораціи поповцевъ, не оправдывается никакими соображеніями. Самое послѣднее законоположеніе о раскольникахъ, выразившее собою максимумъ льготъ для нихъ, и то не даетъ въ принципѣ того, чѣмъ фактически пользуются заправилы Рогожскаго кладбища. Законъ 3 мая 1883 г., предоставляющій раскольникамъ устраивать моленныя въ существующихъ строеніяхъ, или точнѣе говоря, въ жилыхъ зданіяхъ, не даетъ старообрядцамъ права имѣть у себя открытыя общественныя учрежденія, въ родѣ Рогожскаго кладбища. Въ противность общему закону, тутъ раскольники имѣютъ и храмы, и благотворительныя заведенія, и особое кладбище, а главное имѣютъ здѣсь общественное самоуправленіе, ставящее раскольническую корпорацію на ряду съ общепризнанными въ государствѣ юридическими общественными единицами.

Существованіе Рогожскаго кладбища должно быть обставлено въ строгомъ соответствіи съ общимъ и основнымъ законодательствомъ о раскольникахъ. Если послѣднее у насъ доселѣ не допускаетъ въ принципѣ открытыхъ общественныхъ учрежденій для раскольниковъ, то, слѣдовательно, и Рогожское кладбище не должно существовать въ нынѣшнемъ привилегированномъ его положеніи. И наоборотъ, если правительство находитъ возможнымъ терпѣть такіа привилегированныя учрежденія раскольниковъ, какъ Рогожское и

Преображенское кладбища въ Москвѣ, принадлежація корпораціямъ поповцевъ и безпоповцевъ, то вѣдь справедливость требуетъ такой же терпимости и ко всѣмъ прочимъ провинціальнымъ раскольникамъ. Последніе весьма охотно устроили бы во многихъ мѣстностяхъ подобныя же официальные учрежденія съ храмами или часовнями, богадѣльнями, кладбищами, церковными общинами или приходами, и т. д. Положимъ, что правительство въ свое время, а именно еще въ 1771 году, дало свою санкцію на устройство раскольниками Рогожскаго и Преображенскаго московскихъ кладбищъ. Но если тутъ вышло очевидное недоразумѣніе съ московскими раскольниками, то нѣтъ надобности продолжать долѣе это недоразумѣніе по отношенію къ сектантамъ. Вмѣсто всякихъ полумѣръ, вообще не приносящихъ пользы на практикѣ, слѣдуетъ установить общій и однообразный *modus vivendi* для раскольниковъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Существованіе же какихъ то особыхъ привилегій для московскихъ поповцевъ и безпоповцевъ не оправдывается никакими основаніями; оно даже положительно вредно, такъ какъ даетъ прочимъ раскольникамъ поводъ думать, что они всѣ въ скоромъ же времени могутъ рассчитывать на полученіе тѣхъ же льготъ, какими фактически пользуются въ Москвѣ старообрядцы Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ. Вообще же говоря, положеніе раскола должно быть опредѣлено точнымъ и однообразнымъ способомъ, чтобы и правительство и сами раскольники хорошо знали, что дозволяется имъ и что воспрещается.

Н.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки